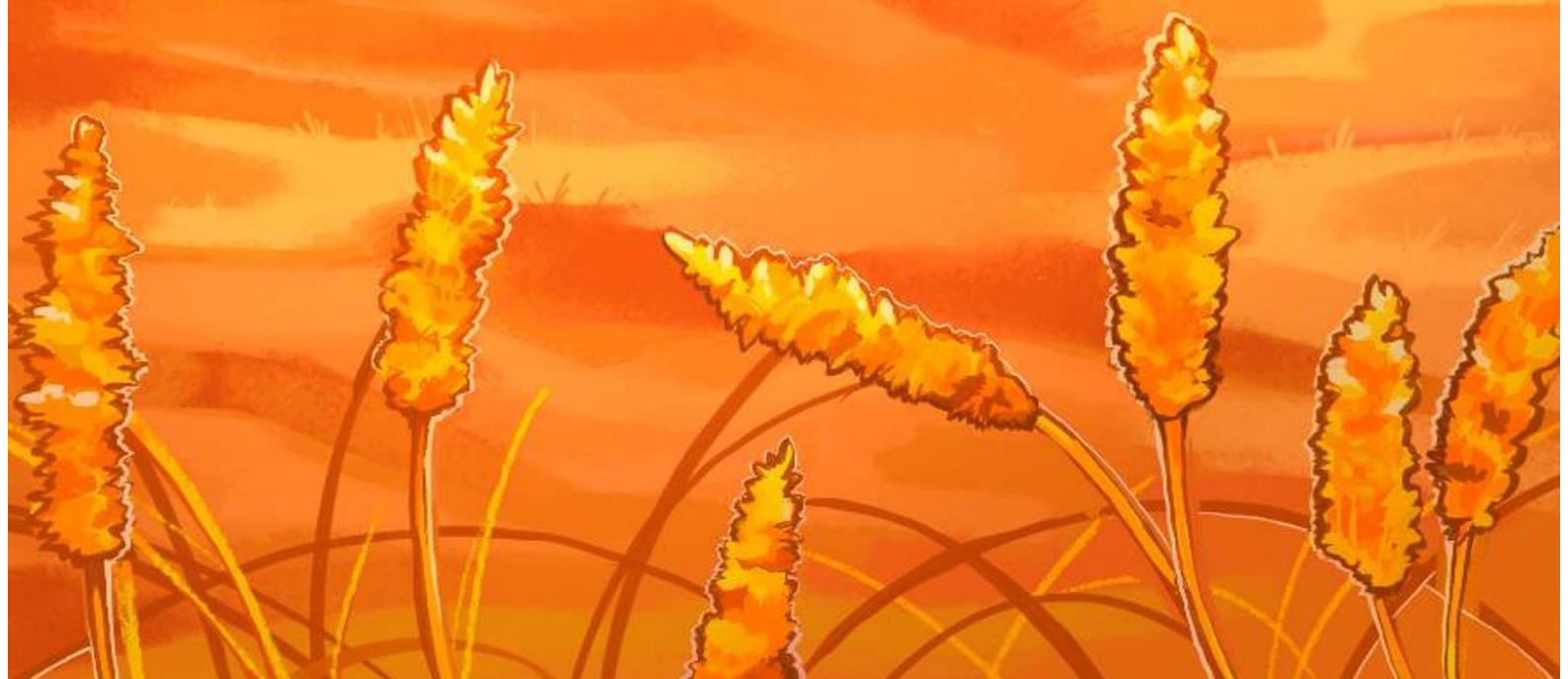

Из-под звона Т И Ш И Н Ы

alkhar

Из-под звона тишины

«Автор»

2026

alkhar

Из-под звона тишины / alkhar — «Автор», 2026

Что, если ад был лишь предисловием? Даже если тебе дадут второй шанс, все останется как прежде: ты все так же бежишь от контролеров в электричке, ночуешь в чужих домах и не решаешься постучать в дверь к родным. Твой единственный спутник — тот, с кем ты делил расщелину в огненной пустыне, где каждый был готов пожертвовать другим ради секунды передышки. Она выбралась из ада, но оказалось, что настоящий мир требует не меньше. Здесь тоже приходится выбирать между двумя невозможными путями, скрывать правду и учиться заново доверять — особенно тому, кто однажды уже потянул тебя за собой, спасая собственную жизнь. И непонятно, что страшнее: то, что он способен на это снова, или то, что ты сам не уверен, поступил бы иначе.

© alkhar, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

alkhar

Из-под звона тишины

Глава 1

Привычные вопли доносились вокруг. Сердце колотилось так, что мне думалось, что когда-нибудь я не выдержу и сама вытащу его из своей груди. Это все был страх — страх дикий, постоянный. Даже когда удавалось присесть и отдышаться, становилось только хуже: от страха начинал болеть живот. Но и это не самое ужасное. Могла бы я рассказать про то, как горят ступни и икры, когда ты вынужден бежать без остановки, как легкие разрываются от боли, потому что ты уже не можешь поймать и проглотить затхлый воздух. Ужаснее всего болела голова: эта протяжная, тупая боль, такая мерзкая и грязная. Именно так я чувствовала себя, когда видела чью-то смерть. Эта печаль не была благородной — она была тошнотворной. Так и голова болела не резкими короткими и сильными порывами — она ныла совсем немного, но ныла всегда.

Помню, как я впервые почувствовала этот страх, когда услышала здесь чей-то пронзительный крик. Тогда это даже дало мне сил, чтобы бежать куда-то. Но меня больше не пугают вопли: страх я ощущаю всегда, и никакого порыва энергии он мне не дарит. Мне хочется сдаться, но не от всего того, что происходит вокруг, а от того, как я устала бежать. Каждое мгновение своего нахождения в этой огненной пустыне мне хотелось просто упасть, уснуть... а затем очнуться, встать и продолжить свои скитания.

Шум усиливался, а голова болела все меньше. Мышцы каменели, легкие все чаще набирали в себя воздух, сердцебиение ускорялось. Все тело, казалось, было готово к спасительному рывку от надвигающегося обидчика. Тут глаза заприметили укрытие: это была небольшая мерзкая расщелина. Никогда в своей жизни я не могла бы подумать, что такое тошнотворное отвращение и неприязнь может вызвать обычная дыра в камне. Лезть туда, само по себе, ощущалось как что-то постыдное, предосудительное. Но это было правильно.

Я нырнула меж скал и, аккуратно выглядывая наружу, затаилась в тени. Пытаясь отдышаться после утомительного бега, я надеялась, что здесь, в холодной грязной пещере, станет спокойнее. Но страх только нарастал. В голове промелькнула мысль: может, стоит вылезти и подыскать более безопасное убежище. Но это было бы слишком легкомысленно. В попытках отвлечься я отвернулась от выхода и сомкнула веки. Подождав буквально несколько минут, я открыла глаза, и мне удалось всмотреться в глубину пещеры. Тут мышцы непроизвольно дернулись: чуть поодаль блеснули два глаза. Взгляд существа был направлен прямо на меня. Но тут же я поняла, что мне не стоит бояться своего нового соседа, узнав в нем очередного испуганного и потерянного беглеца, нашедшего убежище. Однако мой преждевременный испуг не был проигнорирован, ведь хаотичный топот снаружи вдруг превратился во вполне отчетливые шаги, которые по мере приближения обидчика становились все громче. Эти шаги ни с чем не спутаешь. Я мельком взглянула в глаза своего соседа. Они были полны страха, он тоже прекрасно понимал, что значит этот размеренный стук. Я медленно вжималась в скалу, все сильнее отдаляясь от выхода. Мой сосед, который до этого не отвлекаясь следил за выходом из расщелины, откуда доносился звук приближающихся шагов, сейчас отвел взгляд и пристально посмотрел на меня. Я сразу все поняла: если одного из нас поймают, у второго будет возможность улизнуть и отсрочить неминуемое.

Все так же вжимаясь спиной в холодный камень, я медленно направилась вглубь пещеры, туда, где сидел он. Сосед мой терпеливо ожидал меня, а его глаза приобрели какой-то хитрый отблеск, что меня смутило. Я прекрасно понимала, что никто из нас не проявит ни жалости, ни

милосердия. И это было правильно. Абсолютная рациональность или даже то, что ею притворялось, было единственным, что успокаивало меня в аду. Именно на это чувство я неизменно полагалась при жизни, однако оно меня неоднократно подводило. Но здесь, в мире, где погоня продолжается лишь для тех, кто способен с несвойственным холодом и безразличием находить способы побега, рациональность являлась единственным спасением.

Оказалось, что мне неожиданно повезло: пещера была шире в той части, где находился мой сосед, и сужалась там, где я первоначально пряталась. Это позволяло мне не бояться того, что он внезапно решит вытолкнуть меня наружу. Однако подойти к нему слишком близко я тоже не сразу решилась. Тело моего соседа все так же испуганно вжималось в свою стену, но в его напряженном лице, в положении его искривленных губ и отблеске его внимательных глаз читалась безмолвная угроза. Не двигаясь и не произнося ни слова, он сообщал мне, что защитит себя в случае необходимости. Его руки были уже слегка вытянуты, чтобы в нужный момент он не замешкался и одним сильным ударом вышвырнул меня из расщелины.

Я была уже совсем близко, но предпринимать что-то казалось мне сейчас слишком опасным. Однако и сидеть так дальше мы не могли. Казалось, что прошло несколько минут, но на самом деле обидчик успел лишь сделать пару шагов в нашу сторону. Я, решив про себя, что риск — дело благородное, даже когда ты сидишь в мерзкой грязной дыре, уже было собиралась наброситься на своего товарища по несчастью, но в ту же минуту он сам рванул в мою сторону. Благодаря удачному случайному выбору стороны пещеры я оказалась почти зажата между двух стен, что не позволило бы так легко меня вытолкнуть. Тогда я резко ударила противника в грудь. Тот издал сиплый хрип и схватил меня за вытянутую руку. Вдвоем мы повалились на землю. И тут я поняла: шаги стихли. Я не могла открыть глаза — до того страшно мне было. Но тут сосед еще сильнее вцепился в мою руку, и мой взгляд непроизвольно устремился вверх. Страшное существо пыталось вытащить моего соседа из пещеры, пока тот тянул меня за собой. Я изо всех сил стала пятиться назад, старалась вырвать свою руку из его, но он продолжал рефлекторные попытки спастись и держал меня все крепче. В голове промелькнула мысль сдаться, но разум отвечал «Нет». Если в этом мире нет ничего, кроме бесконечного побега, то я должна бежать — в этом был весь смысл. Сердце колотилось неистово, перед глазами стала вырастать пелена. Сначала я решила, что дело в приливе энергии, вызванном страхом, что я просто была уже не в силах адекватно воспринимать действительность. Но свет передо мной ослеплял все сильнее и сильнее, стук сердца становился все тише. И не только сердца: все вокруг словно затихло. Если бы нечто не продолжало тянуть и царапать мою руку, я бы могла решить, что все кончено. Шорохи, крики, хрипы сначала стали менее различимы, а потом и вовсе сменились тишиной. Невыносимой звенящей тишиной. Той звенящей тишиной, в которой ты не способен услышать собственных мыслей.

Глава 2

Привычные вопли доносились вокруг. Сердце колотилось так, что мне думалось, что когда-нибудь я не выдержу и сама вытащу его из своей груди. Это все был страх — страх дикий, постоянный. Даже когда удавалось присесть и отдышаться, становилось только хуже: от страха начинал болеть живот. Но и это не самое ужасное. Могла бы я рассказать про то, как горят ступни и икры, когда ты вынужден бежать без остановки, как легкие разрываются от боли, потому что ты уже не можешь поймать и проглотить затхлый воздух. Ужаснее всего болела голова: эта протяжная, тупая боль, такая мерзкая и грязная. Именно так я чувствовала себя, когда видела чью-то смерть. Эта печаль не была благородной — она была тошнотворной. Так и голова болела не резкими короткими и сильными порывами — она ныла совсем немного, но ныла всегда.

Помню, как я впервые почувствовала этот страх, когда услышала здесь чей-то пронзительный крик. Тогда это даже дало мне сил, чтобы бежать куда-то. Но меня больше не пугают вопли: страх я ощущаю всегда, и никакого порыва энергии он мне не дарит. Мне хочется сдаться, но не от всего того, что происходит вокруг, а от того, как я устала бежать. Каждое мгновение своего нахождения в этой огненной пустыне мне хотелось просто упасть, уснуть... а затем очнуться, встать и продолжить свои скитания.

Шум усиливался, а голова болела все меньше. Мышцы каменели, легкие все чаще набивали в себя воздух, сердцебиение ускорялось. Все тело, казалось, было готово к спасительному рывку от надвигающегося обидчика. Тут глаза заприметили укрытие: это была небольшая мерзкая расщелина. Никогда в своей жизни я не могла бы подумать, что такое тошнотворное отвращение и неприязнь может вызвать обычная дыра в камне. Лезть туда, само по себе, ощущалось как что-то постыдное, предосудительное. Но это было правильно.

Я нырнула меж скал и, аккуратно выглядывая наружу, затаилась в тени. Пытаясь отдышаться после утомительного бега, я надеялась, что здесь, в холодной грязной пещере, станет спокойнее. Но страх только нарастал. В голове промелькнула мысль: может, стоит вылезти и подыскать более безопасное убежище. Но это было бы слишком легкомысленно. В попытках отвлечься я отвернулась от выхода и сомкнула веки. Подождав буквально несколько минут, я открыла глаза, и мне удалось всмотреться в глубину пещеры. Тут мышцы непроизвольно дернулись: чуть поодаль блеснули два глаза. Взгляд существа был направлен прямо на меня. Но тут же я поняла, что мне не стоит бояться своего нового соседа, узнав в нем очередного испуганного и потерянного беглеца, нашедшего убежище. Однако мой преждевременный испуг не был проигнорирован, ведь хаотичный топот снаружи вдруг превратился во вполне отчетливые шаги, которые по мере приближения обидчика становились все громче. Эти шаги ни с чем не спутаешь. Я мельком взглянула в глаза своего соседа. Они были полны страха, он тоже прекрасно понимал, что значит этот размеренный стук. Я медленно вжималась в скалу, все сильнее отдаляясь от выхода. Мой сосед, который до этого не отвлекаясь следил за выходом из расщелины, откуда доносился звук приближающихся шагов, сейчас отвел взгляд и пристально посмотрел на меня. Я сразу все поняла: если одного из нас поймают, у второго будет возможность улизнуть и отсрочить неминуемое.

Все так же вжимаясь спиной в холодный камень, я медленно направилась вглубь пещеры, туда, где сидел он. Сосед мой терпеливо ожидал меня, а его глаза приобрели какой-то хитрый отблеск, что меня смутило. Я прекрасно понимала, что никто из нас не проявит ни жалости, ни милосердия. И это было правильно. Абсолютная рациональность или даже то, что ею притворялось, было единственным, что успокаивало меня в аду. Именно на это чувство я неизменно полагалась при жизни, однако оно меня неоднократно подводило. Но здесь, в мире, где погоня

продолжается лишь для тех, кто способен с несвойственным холодом и безразличием находить способы побега, рациональность являлась единственным спасением.

Оказалось, что мне неожиданно повезло: пещера была шире в той части, где находился мой сосед, и сужалась там, где я первоначально пряталась. Это позволяло мне не бояться того, что он внезапно решит вытолкнуть меня наружу. Однако подойти к нему слишком близко я тоже не сразу решилась. Тело моего соседа все так же испуганно вжималось в свою стену, но в его напряженном лице, в положении его искривленных губ и отблеске его внимательных глаз читалась безмолвная угроза. Не двигаясь и не произнося ни слова, он сообщал мне, что защитит себя в случае необходимости. Его руки были уже слегка вытянуты, чтобы в нужный момент он не замешкался и одним сильным ударом вышвырнул меня из расщелины.

Я была уже совсем близко, но предпринимать что-то казалось мне сейчас слишком опасным. Однако и сидеть так дальше мы не могли. Казалось, что прошло несколько минут, но на самом деле обидчик успел лишь сделать пару шагов в нашу сторону. Я, решив про себя, что риск — дело благородное, даже когда ты сидишь в мерзкой грязной дыре, уже было собиралась наброситься на своего товарища по несчастью, но в ту же минуту он сам рванул в мою сторону. Благодаря удачному случайному выбору стороны пещеры я оказалась почти зажата между двух стен, что не позволило бы так легко меня вытолкнуть. Тогда я резко ударила противника в грудь. Тот издал сиплый хрип и схватил меня за вытянутую руку. Вдвоем мы повалились на землю. И тут я поняла: шаги стихли. Я не могла открыть глаза — до того страшно мне было. Но тут сосед еще сильнее вцепился в мою руку, и мой взгляд непроизвольно устремился вверх. Страшное существо пыталось вытащить моего соседа из пещеры, пока тот тянул меня за собой. Я изо всех сил стала пятиться назад, старалась вырвать свою руку из его, но он продолжал рефлекторные попытки спастись и держал меня все крепче. В голове промелькнула мысль сдаться, но разум отвечал «Нет». Если в этом мире нет ничего, кроме бесконечного побега, то я должна бежать — в этом был весь смысл. Сердце колотилось неистово, перед глазами стала вырастать пелена. Сначала я решила, что дело в приливе энергии, вызванном страхом, что я просто была уже не в силах адекватно воспринимать действительность. Но свет передо мной ослеплял все сильнее и сильнее, стук сердца становился все тише. И не только сердца: все вокруг словно затихло. Если бы нечто не продолжало тянуть и царапать мою руку, я бы могла решить, что все кончено. Шорохи, крики, хрипы сначала стали менее различимы, а потом и вовсе сменились тишиной. Невыносимой звенящей тишиной. Той звенящей тишиной, в которой ты не способен услышать собственных мыслей.

Глава 3

Я села в старую рязанскую электричку, всю кряхтящую и дрожащую, наполненную духом прошедшего времени, выразившим себя по большей части в пожелтевших стенах и сорванных плакатах. Будучи уже на полпути к поселку Старолетово, я лишь сейчас смогла собраться с мыслями, чтобы раз и навсегда определить правильность собственного поступка. Но, обдумав прошедший день, я вновь убедилась лишь в том, насколько настоящий мир давил своей иррациональностью, высоко презираемой мной — как тогда, в аду, так и сейчас.

Мне было сложно объяснить даже самой себе, был ли мой побег связан с обыкновенным чувством стыда или стал выражением какого-то сверхъестественного начала, заставившего меня отправиться к Соседу. Человек, к которому я ехала, являлся для меня незнакомцем. Но, что казалось куда хуже, впервые встретились мы с ним в месте, куда праведники, дающие кров странствующим, не попадают. Сомнения одолевали меня.

Могла бы я и дальше задаваться этическими вопросами, связанными со справедливостью адского суда, в которой и сама была не до конца уверена, однако, пока мысли продолжали убеждать меня в чуждости Соседа, воспоминания возвращали к расщелине, в которой рядом со мной находился вовсе не пугающий незнакомец. Перед глазами пеленой возник образ той испуганной искалеченной души, моего соперника в мерзкой расщелине, символа жестокого благоразумия. Сейчас я ехала к существу, с которым нас свела общая трагедия. Именно этот человек оказался последним, что связывало меня с рациональным и чрезмерно материальным миром ада. А моя душа, тянувшая за собой и тело, и разум, искала место, где могла бы получить ответы, правду или хоть что-то настоящее.

Я оглядела электричку и вспомнила, как ездила на подобных в детстве. Я вспомнила родных, друзей — всё, что связывало меня с жизнью. За окном мелькала знакомая картинка ночной дороги, а перед глазами появлялось все больше красочных эпизодов из моей памяти. Ностальгия — удивительный механизм нашей психики. В аду я и позабыла о преследующем меня при жизни стыде, как и сейчас я могла подробно восстановить в памяти только хорошее. Печальное осознание того, что прошлое со всеми теми приятными эпизодами нельзя было вернуть, настигло меня, словно разряд молнии в тихую грозу. Часто именно такие воспоминания пробуждали во мне ненависть к устройству мира живых. Религии часто указывают на мудрость, которой смерть одаривает людей порою уже на шестом десятке жизни, но, как человек, прошедший через ад, я могу заявить, что не существует ответа на вопрос, почему мир такой, какой он есть. Все фундаментальные законы — лишь следствия то ли божественной игры, то ли уродливого естественного отбора. Я всегда любила мир, но, в глубине души, питала ненависть к его устройству. И, возможно, именно ненависть могла бы заставить меня изменить хоть что-то. Но я, наблюдая за тем, насколько разрушительным было это чувство, прятала его далеко во сны.

Я заставила себя проснуться. От резкого пробуждения голова вновь стала тяжелой, но нежелание проспать остановку и очутиться где-нибудь в Рязани было достаточно сильным, чтобы я сумела стерпеть этот груз. Ночь заставила опуститься землю во мрак, а густые леса, по которым поезд держал путь, в свою очередь, не позволяли ни одному городскому огоньку проскользнуть к железной дороге. Свет от желтых, словно даже слегка померкших, лампочек вагона отражался от стекол, не позволяя мне разглядеть пейзажи сумрачного пути. Я стала занимать себя, всматриваясь в маршрут электрички, который висел над дверью в тамбур. Я перечитывала названия станций и вспоминала, останавливался ли на них поезд. В этот самый момент электричка стала плавно тормозить, и железные двери с грохотом распахнулись. За стеклом наконец-то что-то прорисовалось, но не успела я выглянуть в окно, чтобы разглядеть вывеску с названием освещенной платформы, как зажужжал громкоговоритель и из него

с треском послышалось бормотание машиниста: «Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — платформа Слёмы».

Я откинулась на спинку жесткого сиденья и, скрестив руки на груди, закрыла глаза, пытаюсь при том попутно не заснуть. Прошла всего пара минут, когда я, открыв глаза и бросив мимолетный взгляд на стекло, обратила внимание на то, что мое отражение становится более мутным, а на улице поочередно проявляются яркие белые огни. Прорисовалась серая платформа, освещенная конусами света, а поезд стал останавливаться. Я подняла взгляд и вскочила, увидев название своей станции на информаторе, а затем суетливо понеслась в тамбур, где уже с грохотом распахивались двери. В спешке я пролезла через недо конца открытые двери и ступила на платформу.

Поезд умчался, а я спрыгнула с бетона обветшалой платформы на мягкую траву. Хотя на прыжок это было мало чем похоже — платформа была настолько низкой и уседшей, что с нее достаточно было просто сойти одним легким шагом. Вынув из кармана купюру с уже подстертым адресом, я подошла ближе к фонарю и, щуря глаза, жадно пыталась различить оставшиеся буквы. Тогда я вновь усомнилась в верности своего поступка, и, заверив себя в том, что он был абсолютно точно неправильным, легко это приняла. Я запомнила адрес на купюре, скомкала ее и положила в карман. Я не чувствовала страха, а просто знала, что делаю. Этот мир уже был мне чужд, и я шла туда, где оставалась крупица понятной и родной мне среды. Впереди прорисовывалось окруженное уличным освещением вокзальное здание, перед которым мрачно и устрашающе возвышалась статуя Есенина, лишь ноги которого были озарены лучами света, исходящими от привокзального фонаря. Я украдкой взглянула на монумент, а затем просто и без сожаления обошла здание и вышла в поселок.

Позднее время суток не позволило бы мне спросить дорогу у прохожих, а потому я стала самостоятельно прогуливаться по поселку в надежде найти нужную улицу. Вновь сверившись с адресом, я с горем осознала, что название улицы уже почти стерлось. В последний раз мне удалось запомнить то, что было начеркано на бумажке, и, скомкав, я сунула ее обратно в карман. И хотя я не могла знать наверняка, что различила адрес верно, сейчас я почему-то не беспокоилась и не нервничала. Стрекотание сверчков и легкие порывы ночного ветерка магическим образом придавали мне уверенность в собственных силах. Никакая рациональность, никакие идеи не могли успокоить мою душу так же, как ее порою успокаивала ночь. Я шла вдоль темной улицы, пока наконец не смогла различить ее название, висевшее на указателе на стене дома и бережно прикрытое ветвями яблони. Мне пришлось подойти поближе и, аккуратно наклонив веточку, долго всматриваться в буквы, казалось бы, знакомого языка, чтобы различить их практически в полной темноте. Звезды и фонарь, висевший через один дом от меня, лишь слегка помогали справиться с этой задачей. Я все еще держала ветвь в руке и, словно борясь со мной как с чужеземцем, яблоня стала атаковать, и буквально в сантиметре от моей головы стремительно пронеслось небольшое яблоко. Мне наконец удалось прочитать название, и я кивнула, видимо, чтобы предать уверенности самой себе. Я уже собиралась свернуть на другую улицу, как недавняя атака растения дала о себе знать, когда я случайно наступила на плод, который, к счастью, оказался упругим. Но рядом с ним, вдоль всего пути до асфальта, лежало множество сгнивших яблок, которые мне приходилось старательно обходить практически в полной темноте. Я, несмотря на то, что была уверена, что не наступила ни на один из них, все же запачкала кроссовки, хотя не гнилью, но глиной, что, однако, не вызвало у меня отвращения, судя по всему, притупленного существованием в аду.

Мое импровизированное путешествие, в ходе которого я нашла весьма увлекательным искать нужный дом, преодолевая сельские преграды, на время прервалось, когда я увидела лавочку и решила насладиться этой ночью, пока чувства сильны. Я упала на твердое деревянное сиденье, по привычке откинувшись на спинке, и вытянула ноги так далеко вперед, что они даже показались мне самой длиннее, чем были в действительности. Я подняла голову и

взглянула на ясное небо, в котором горели яркие белые звезды. Они предавали небосводу свой особый глянец, делая его темный оттенок еще насыщеннее. Я слегка прищурила глаза и наклонила голову, когда в нее пришла неожиданная мысль. Странно, но в аду звезд не было. Но еще более причудливым казалось то, что я вовсе не могла целиком восстановить в воспоминаниях картину того места. Да, была земля, были рельефы, чувства... но чего-то не хватало. Складывалось впечатление, будто ад был лишь иллюзией, при чем настолько точной, что передавал вполне реальные ощущения. Это замечание заставило задуматься:

«Неужели в раю так же? Есть ли в загробном мире хоть что-то реальное? Существоешь ли ты там?» — затрепетали мысли в голове.

Я не могла быть уверена в существовании рая, ведь с момента своей смерти ни разу о нем не слышала и не пыталась представить его или даже полагать о нем. У обитателей адского мира не было времени на философские размышления, но при жизни меня убеждали, что рай — неотъемлемая часть мировоззрения глубоко верующего человека, хотя сейчас это учение казалось мне на удивление неестественным. Ад же не представлял из себя ничего из того, что описывалось мне при жизни: ни одного котла я там не наблюдала, абсолютно ничего напоминавшего о существовании человеческой цивилизации не было в аду. Там был лишь наш естественный, с тяжестью тянущий к земле, мир, изуродованный душами, обитавшими в нём. Так могла ли я быть уверена в точности людского описания рая или хотя бы в факте его существования?

Тут я вспомнила, что в реальности сижу на лавочке в поселке в Рязанской области и наслаждаюсь природой или, точнее сказать, погодой, несмотря на то, что мысли мои уже находились на огромном расстоянии от этого места. Разум, охваченный размышлениями, полностью поглотил чувство, и я поняла, что должна оказать ему сопротивление. Выбросив из головы все идеи, я вновь стала ощущать... Чувствовать ветер, запах свежести. Я начала наблюдать за контрастами ночи: ярким светом и пятнами тени. Но тут же я снова поймала одну мысль:

«Интересно, были ли все эти вещи именно тем, о чем говорил Сосед и чему он так радовался, вернувшись на землю? Ночная свежесть, прохладный воздух, красота тени? Об этом он говорил?» — заинтересовало меня.

Вернувшись в свой внутренний монолог, я вспомнила, что вообще-то блуждаю здесь не без цели. В любом случае, сила разума не позволит мне вновь насладиться всей красотой ночи, так что, неся в себе тоску от осознанной идеи, я встала и уже медленнее и с меньшим энтузиазмом направилась дальше искать жилище своего нового друга — сомнения в том, что мы подружимся никак не могли возникнуть; иначе и быть не могло.

С каждой минутой становилось все холоднее, а скорость моего шага снижалась. По ощущениям, прошло еще около сорока минут. Глаза замыливались, и продолжать поиски становилось все тяжелее. Я не знала, насколько этот поселок большой. Возможно, эта информация в виде карты могла скрываться на табличках на вокзале, который я решила проигнорировать. Моя непредусмотрительность расстраивала меня, и я уже стала подумывать о том, чтобы вернуться назад. Однако сонливость, которая также давала о себе знать, заставила меня отбросить эту мысль, чему я была благодарна. Тем не менее та же самая сонливость словно уговаривала меня вернуться на предыдущую улицу, чтобы заснуть прямо на найденной лавочке. И лишь ненавистный мною стыд останавливал меня от этого поступка.

«С другой стороны, будучи в аду, я была готова упасть где угодно и, клянусь, сделала бы это, если бы не обидчики» — промолвила я про себя.

Разум затуманивался все сильнее, и я не знаю, что было бы со мной, если бы не удачное стечение обстоятельств: в ту же минуту я решила зайти за очередной угол, увешенный занавесом тени, и обнаружила нужную улицу. Возможно, мой план о сладком свежем сне под открытым небом воплотился бы в жизнь быстрее, чем мне казалось первоначально. Но первым чувством, которое я испытала при виде надписи на доме, состоящей из всех необходимых букв,

оказалось не облегчение, а лишь надежда на то, что место, найденное мною, было верным и на то, что я не ошиблась еще тогда, у вокзала, пытаясь разобрать оставшиеся на купюре символы. Я считала про себя номера домов, ведь осматривать каждый указатель, висевший на затемненных стенах, показалось мне не слишком практичной идеей. И вот, уже всего через пару минут, я вышла на тонкую песчаную дорожку, которая, как я прикинула заранее, должна была находиться прямо напротив нужного мне дома. Чтобы убедиться в том, что мои подсчеты отазались верны, я стала тихо подходить к домам, стараясь не привлечь внимания их обитателей, и с усилием всматриваться в числа, находившиеся справа от названий улицы.

Слева от меня сейчас стоял дом под номером 9, а прямо за ним — номер 7. Я с надеждой взглянула на здание справа и даже подошла к нему буквально вплотную, надеясь увидеть свое желанное счастливое число. Чтобы разглядеть табличку, мне пришлось несколько секунд всматриваться и... это был дом номер 10. Мимо! Я подошла к следующему и, несмотря на то, что сомнений уже не могло оставаться, решила проверить его адрес. Чтобы приблизиться к табличке с номером, мне так или иначе пришлось бы отворить невысокую калитку, представлявшую собой дверцу из железных прутьев в такой же металлической раме. Я зашла на участок и, аккуратно наклонив ветвь, плотно прислоненную прямо к пластиковой табличке, прочитала адрес.

«Восьмой дом — то что нужно!» — подумала я и направилась к двери.

Перед высокой дверью находились ступеньки крыльца, которые я сумела заметить лишь тогда, когда споткнулась о нижнюю из них. К счастью, мне удалось удержать равновесие и я, стоя на верхней третьей ступени, всматривалась в однотонную дверь. Странно, в любом другом случае, мне было бы страшно неловко ломиться к кому-то домой в такой час, но сейчас... желание сна и иррациональное ощущение надежды подтолкнули меня постучать. Я вознесла руку, чтобы ударить в дверь, но, не успела и раз стукнуть о старое дерево, как дверь сама отворилась, и при слабом свете я увидела силуэт знакомого существа.

— Заходи же! — поспешно шепнул Сосед и, когда я торопливо ступила внутрь, стремительным и нервным движением запер дверь.

Пока он мучился со старой железной щеколдой, висевшей будто бы поверх другого дверного замка, я успела осмотреть прихожую: это был обычный холодный деревянный коридор, в котором хранились все то ли абсолютно ненужные, то нужные во всех на свете случаях вещи. Окинув прихожую быстрым взглядом, я уже заприметила два перевернутых табурета, лейку, старую шубу, резиновые сапоги... стены были деревянными, а на полу лежала старая, треснувшая плитка, укрытая многочисленными маленькими разноцветными, но уже слегка выцветшими, ковриками.

Сосед наконец запер дверь и обернулся ко мне. Мы оба безмолвно решили, что обсуждения вполне можно перенести на завтра. После стольких часов дороги и поисков я слишком хотела спать, о чем сразу сообщила Соседу. Он понимающе кивнул и отвел меня в небольшое помещение, представляющее собой спальню, вдоль всей стены которой растянулась старая низкая кровать. Сначала Сосед оставил меня одну, а затем вернулся с целой горой пледов, одеял и одной огромной перьевой подушкой, объятых его руками. Он скинул все это мне на кровать и сказал обращаться, если мне что-то будет нужно. Он также заверил, что дом находится полностью в моем распоряжении и никаких секретов не таит. После последней фразы Сосед как-то глупо усмехнулся, но сонная я лишь в недоумении взглянула на него, заставив, кажется, почувствовать неуместность его реакции.

Сосед оставил меня, и, разобрав себе место для сна, я упала на кровать и сразу же заснула. Ни одна мысль не пронеслась в голове, что казалось странным. В будущем у меня сложилось мнение, что такого спокойного сна, как тогда, я, наверное, никогда раньше не испытывала.

Глава 4

Лучи весеннего солнца затопили мою комнату, и я с легкостью проснулась. Усевшись на кровать, я стала тереть глаза, чтобы лучше разглядеть помещение, которое мне выделили. Это была маленькая уютная деревенская спальня. Над кроватью, на которой я расположилась, на обклеенной цветочными обоями стене висел алый ковер; точно такой же лежал под кроватью, защищая старый деревянный пол от прохождения излишне холодного воздуха. Слева от меня, в самом конце комнаты, находилось стеклянное окно с форточкой. Старое стекло, рельефно украшенное царапинами и прозрачно-белыми пятнами, было окружено деревянной рамой, покрашенной белой краской, куски которой крошились и валялись ошметками на подоконнике. Я встала, чтобы открыть форточку, ведь, как я с сожалением поняла по слегка затхлomu воздуху, забыла провести этот ритуал перед сном. Потоки свежего холодного воздуха волнами залетели в мою комнату, и я с радостью выглянула в окно. Снаружи мне на глаза попался Сосед, внимательно рассматривающий мою стену со стороны улицы. Он заметил мой вопросительный взгляд и бодро помахал мне. Глухое «Доброе утро!» донеслось из-за двойного слоя стекла в окне. Я с улыбкой кивнула, а когда он отвел взгляд и отошел куда-то в сторону, тоже отвернулась, желая продолжить свой осмотр.

Возможно, дело было в сонливости, но дом выглядел неживым в моих глазах. Несмотря на то, что я уже привыкла находиться на земле и, кроме того, это перемещение ощущалось как долгожданный выходной от вечной погони, меня не оставляло чувство чуждости. Еще более странным было то, что дом этого незнакомца сейчас казался мне роднее собственной дачи, которую я видела вчера и на территории которой прошли многие летние месяцы моего детства. Горе иррационального выбора окатило меня, когда я озвучила эту мысль в своей голове.

«Как я могла приехать сюда? Где же моя ответственность, чувство самосохранения?» — думала я и глядела на ветхие стены старого дома. Тут я заприметила пыльный угол, обвитый паутиной. Я всегда побаивалась этих животных, и вид следа деятельности одного из них вызвал во мне небольшую тревогу и отвращение, но я не могла винить человека, приютившего меня, в том, что, будучи мертвым, он не имел возможности поддерживать чистоту в доме.

Я проскользнула мимо пустой полки, висевшей на противоположной от кровати стене, прошла через дверной проём, над которым располагались абсолютно не вписывающиеся в интерьер, достаточно новые часы. Они бы и не привлекли моего внимания, если бы не тикали столь настойчиво прямо над моей головой.

Я выскочила в другую комнату. Это был зал — широкий, но более темный. Тем не менее он был все таким же уютным. Внезапно, мой взгляд упал на тумбочку с фотографией. Ограниченная деревянной рамкой, изрезанной геометрическими узорами, фотография хранила в себе лица трех людей, одного из которых я знала. Точно! Это, собственно, был человек, приютивший меня. Он стоял слева от двух светловолосых красивых и очень похожих женщин разного возраста.

Тут я услышала, как отворилась входная дверь.

— Да, — поспешно начал Сосед, а его голос усиливался по мере приближения. — Извини, я не успел прибраться. Странно, сейчас май, но здесь, видимо, давно никого не было. Моя сестра обычно приезжает в конце апреля на...

Последние слова были произнесены с небольшой заминкой, а затем Сосед, шагнув через проем, отделяющий зал от прихожей, увидел и фотографию, на которую был обращен мой взгляд, и вовсе замолчал. Он быстро отвернулся и отошел обратно к выходу, а затем добавил:

— Ладно, ты осваивайся. Если что-то нужно, я здесь. Тебе ничего не нужно?

— Нет, — просто утвердила я. — Я еще не совсем проснулась. Могу еще на какое-то время остаться в твоём доме? Несмотря на то, что выражение лица Соседа не изменило своего дружелюбного вида, его глаза блеснули каким-то холодом, и он украдкой посмотрел в окно.

— Конечно, оставайся, сколько пожелаешь! Дом в твоём распоряжении, как я и говорил, — он уже собирался выйти и потому держал дверь перед собой открытой, чтобы та не захлопнулась. — Если решишь прогуляться, я на улице. Позови меня, я покажу тебе поселок.

Я кивнула, и Сосед, не забыв о том, чтобы вновь бросить на меня этот осторожный подзревающий или, как мне показалось, пытающийся уличить в чём-то взгляд, вышел на улицу.

Хотя я никогда не заявила бы этого ему в лицо, но сейчас мне казалось, будто уют милого жилища был слегка стеснен внешне жизнерадостным человеком, соседствовавшим мне и, словно хранящим в этих стенах свою тайну. И стены дома невольно берегли ее, осыпаясь под весом дарованного им знания. Но я постаралась вырвать из своего разума это замечание, ведь была искренне благодарна человеку, приютившему меня. Подозрения тогда показались мне лишь паранойей, сформировавшейся задолго до того дня, еще в аду, из которого я смогла получить обратный билет.

Когда Сосед ушел, мой взгляд вновь невольно упал на фотографию и, рассмотрев ее в очередной раз, я обратила внимание на предметы, соседствовавшие ей на полке: прямо за фотографией стояло несколько небольших икон. Я с интересом взяла в руку одну, самую крошечную из них, и стала всматриваться в мелкие детали. Теплые цвета, такие как охра, заполнявшая практически всю икону, делали из нее символ не столько торжества, сколько тепла и умиротворения, которых я, хотя и сознавала, не могла ощутить. Держа ее в руке, я почувствовала лишь странное беспокойство и, поставив икону обратно на ее место, я отвернулась, разглядывая прочие предметы интерьера.

Напротив стены с фотографией стоял, неустойчиво опираясь на три длинных ноги, старый деревянный стол, укрытый, или, точнее сказать, накрытый сверху, скатертью, которая по площади была слегка меньше него самого. Скатерть оказалась настолько короткой, что у стены оставалось пространство серо-коричневого цвета дерева. Вокруг стола расположились два табурета и мягкий потрепанный диван, обивка которого в некоторых местах торчала наружу. Стены этого помещения были украшены точно такими же обоями, только другого цвета. Если мне попался сине-сиреневый оттенок, то в этой комнате отливало розово-красным цветом с растительными узорами на стенах. Из-за этого комната казалась не то девичьей, не то кровавой и жуткой. Будучи не в положении оценивать интерьер, но и не в силах дальше здесь находиться, я с осторожностью приоткрыла ближайшую ко мне дверь.

Я лишь выглянула в щель, но сразу поняла, что в этой комнате давно никого не было. Она была почти такой же, как и моя, но, кроме ковра и пустой полки, в ней также висело множество религиозных плакатов и икон, закрывающих дыры, образовавшиеся от облезлых обоев. Многие листовки уже давно лежали на полу, украшенные гирляндами паутины. Я поняла для себя, что все, что было связано с этой комнатой, являлось страницей биографии Соседа, о которой я не буду спрашивать, а он — отвечать. И из уважения как к человеку, приютившему меня, так и к предыдущему обитателю этой спальни, я закрыла дверь и больше никогда туда не заглядывала.

Тем не менее исследовать дом мне не только хотелось, но и было необходимо. Конечно, я не могла бы вечно пользоваться добротой Соседа. И неважно, была ли это доброта притворством или искренней щедростью души — уйти мне пришлось бы в любом случае — возможно, в целях собственной безопасности, а, может быть, из вежливости. Но так или иначе, сейчас я вынуждена находиться в его доме, и я останусь здесь до тех пор, пока меня что-то не выдворит — может, новый план действий, а может, и сам Сосед.

Рядом находилась другая дверь. Я уже с большей уверенностью распахнула ее и увидела еще одну практически идентичную с остальными спальню. Меня встретили такие же пустые

полки, как и в моей комнате, и такое же расположение кровати относительно окна. Отличалась эта спальня от моей лишь лимонным цветом обоев и, кажется, наличием второго ковра на стене. Я поспешно закрыла дверь и направилась к следующей, расположенной вдоль другой стены.

«Не может же здесь быть столько спален» — подумала я про себя и без энтузиазма дернула за очередную ручку. Помещение представляло собой кухню — невероятно маленькую, но довольно оборудованную для старого сельского дома. Буквально в три квадратных метра были упакованы плита, раковина и стиральная машина. На обугленной конфорке лежала кухонная зажигалка. Прямо над плитой уместилась небольшая полка с принадлежностями для готовки: чугунные сковороды, украшенные узорами пригари, красная кастрюля в горошек, вилки, ложки и даже казан, под которым немного прогибалась полка, слегка перекошенная влево. На керамической, увитой разводами, раковине крупными крошками лежало давно не используемое мыло. Я постояла в проеме еще пару секунд, радуясь, что обнаружила для себя за дверью что-то, кроме кровати. Тем не менее втиснуться в это помещение было крайне сложно, и потому я медленно вышла и закрыла за собой дверь.

За последней, отличной от остальных, дверью располагалась туалетная комната. Будучи пристройкой к дому, это помещение выглядело новее остальных. Пол и стены до самого потолка были покрыты бежевой плиткой, ни один уголок ровных квадратов которой не был поврежден. Справа располагалась достаточно миниатюрная ванная, а слева, вплотную к ней, висела раковина, под которой лежали трубы и прочие сантехнические приспособления, словно вывернутые наружу прямо из стен.

Осмотрев весь дом, я вернулась в выделенную мне комнату и села на кровать. Сквозь форточку до меня доносились шелест травы и аромат свежести. Однако в какой-то момент я заметила, что не только отголоски природы залетали ко мне в окно. Я четко слышала, как с резким грохотом начинает литься вода, и как капли ее бьются о твердую поверхность. Привстав и выглянув в окно, я четко увидела двор моего соседа: он был весь заросшим, с низенькими горбатыми яблонями, а на траве стояло ведро с водой, в которое в один миг прилетела серая размокшая тряпка. Я подняла глаза, когда почувствовала взгляд, а затем заметила пристально смотрящего на меня Соседа.

— Я бы прогулялась, — крикнула я в окно. — Не хочешь со мной?

— А сколько времени?

— Полдвенадцатого, — ответила я, оглянувшись на новомодные часы.

— Полдвенадцатого? — переспросил Сосед и переменялся в лице, а затем шустро завернул за угол, откуда до меня донеслись его слова: — Идем же тогда, сейчас же!

Он скрылся за стеной, а я осталась в оцепенении, не понимая, к чему такая спешка. Но, не успев задать этот вопрос, я вскочила с кровати и быстрым шагом побрела в прихожую, где меня уже ждал Сосед. Он придержал мне входную дверь, и я оказалась на улице.

— Зачем так быстро? — сразу спросила я.

Сосед искоса взглянул на меня.

— У меня еще много дел, — отмахнулся он.

Эти слова меня возмутили. Если у Соседа были дела, зачем же соглашаться на мое предложение прогуляться? Да и какие дела могут быть у человека, только выбравшегося из ада? Мне очень хотелось задать ему все эти вопросы, но, вспомнив, что рядом со мной грешная душа, попавшая в ад по какой-то, возможно, даже веской причине, я сдержалась.

Мы шли вдоль песчаной тропинки, на которой я уже была прошлой ночью, когда искала нужный дом. Но при свете все выглядело иначе. Осмотрев дома, я сразу почувствовала, что во многих из них, судя по всему, уже давно никто не живет. Странная тишина окружала нас. Я слышала и шелест листьев, и свист ветра, и пение птиц, но, одновременно с этим, мои уши словно были глухи. Все было не то живым, не то мертвым. Я взглянула на своего товарища.

Его глаза выражали лишь спокойствие и радость, что выглядело настолько неестественным, что мне было сложно поверить, что человек передо мной и то напуганное потерянное существо в расщелине являлись одной и той же душой. И как бы то ни прозвучало противоречиво, его лицо, выражавшее эмоции, было для меня словно невидимым или смазанным. Я знала, что сейчас мы находились в физическом мире и четко все понимала, но люди теперь казались мне непонятными существами, а общество — лишь мифом или сказкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.